АЛЕКСАНДРЪ БОЛДЫРЬ

БЕССАРАБСКІЙ ВОПРОСЪ

1930
TIPOGRAFIA CENTRALEI COOPERATIVELOR
КИШИНЕВЪ

Паважаны чытач!

Пасля таго, як Вы азнаёміліся з часопісам (кнігай), укажыце, калі ласка, дату і нумар свайго білета

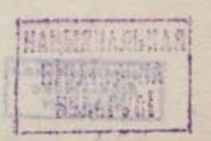
27/IV 2010. № 2088

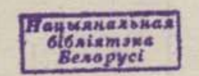
БЕССАРАБСКІЙ ВОПРОСЪ

АЛЕКСАНДРЪ БОЛДЫРЬ

БЕССАРАБСКІЙ ВОПРОСЪ

1930
TIPOGRAFIA CENTRALEI COOPERATIVELOR
КИШИНЕВЪ

Нацыянальная
бібліятэка
Беларусі

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Существованіе бессарабскаго вопроса, ждущаго уже 12 лѣтъ своего разрѣшенія, покоится на ложныхъ предпосылкахъ о томъ, что 1) Бессарабія завоевана Румыніей и 2) что бессарабское населеніе, будучи недовольно Румыніей, желаетъ присоединенія къ Россіи На этихъ предпосылкахъ выросло и до сихъ поръ поддерживается рѣшеніе русскаго общественнаго мнѣнія не признавать присоединенія Бессарабіи къ Румыніи. Напоръ „общаго теченія" такъ великъ, что указанныя предпосылки превратились почти что въ непоколебимые догматы.

Къ великому удивленію и „совѣты" оказались солидарными съ русскимъ національнымъ мнѣніемъ — рѣзкій примѣръ единодушія между свободолюбивой въ общей своей массѣ русской эмиграціей и принципіальными сторонниками насилія — большевиками.!

Но, какъ извѣстно, количество не можетъ считаться мѣриломъ истинности.

Лучшимъ примѣромъ того, какъ иногда господствующее настроеніе, настроеніе среды, неправо, можетъ служить ссылка на русское общественное мнѣніе въ польскомъ вопросѣ въ моментъ его обостренія. Кто былъ правъ тогда: патріотическое повѣтріе, захватившее русское общество, или Герценъ, потерявшій благодаря своей позиціи въ этомъ вопросѣ почти всю свою популярность? Думается, что Герценъ. Между тѣмъ, пойди русское правительство и русское общество по пути примиренія съ поляками заблаговременно, какъ знать, не была ли бы эволюція Россіи нѣсколько иной, чѣмъ какой она оказалась въ дѣйствительности!?

Вотъ почему, съ точки зрѣнія автора, должна быть оправданной всякая новая попытка вывести этотъ вопросъ изъ области предвзятаго и необоснованнаго чувства въ область чистыхъ аргументовъ отъ разума, изъ сферы установившихся догматовъ въ сферу ихъ ревизіи и пересмотра.

Нынѣшнее состояніе этого вопроса, въ которомъ еще остаются элементы неувѣренности, очень часто причиняетъ Бессарабіи чувствительный вредъ. Не разъ случалось, что подпольные агенты большевиковъ распускали въ Бессарабіи алармистскіе слухи и этимъ волновали неустойчивые въ духовномъ смыслѣ элементы населенія. Осо-

бенно серьезные размѣры приняли эти слухи въ Февралѣ —Мартѣ 1930 года, что повлекло за собой даже изданіе особаго закона противъ сѣятелей паники.

Конечно, туда, гдѣ имѣется угроза войны, не идутъ капиталы. Нормальное экономическое развитіе затрудняется. И это наноситъ вредъ не только Бессарабіи, но косвенно и всей Румыніи.

Между тѣмъ румынское государство переживаетъ сейчасъ крайне важный и отвѣтственный моментъ своей исторіи. Изъ нѣсколькихъ раньше разобщенныхъ національныхъ румынскихъ территорій составляется новое государство, стремящееся занять опредѣленное мѣсто въ Европѣ и вложить свою лепту въ идеальную и матеріальную культуру человѣчества. Въ настоящее время производится попытка объединить эти территоріи путемъ демократической политики правительства Маніу.

Безполезно было-бы разсчитывать на сочувствіе этому дѣлу принципіальныхъ противниковъ демократизма и сторонниковъ коммунистической экспансіи въ Европу.

И напротивъ было бы совершенно естественнымъ ждать благожелательнаго отношенія къ реорганизаціи румынскаго государства со стороны русскаго національнаго общественнаго мнѣнія и особенно той части ея, которая исповѣдуетъ демократическіе принципы Коммунисты и соціалисты создаютъ для своихъ адэптовъ „интернаціоналы“ и организуются въ наднаціональныя общества. Легко оказываютъ другъ другу содѣйствіе также монархисты разныхъ государствъ.

Почему же считать невозможнымъ установленіе взаимнаго пониманія среди демократовъ разныхъ странъ?

Хочется вѣрить, что чувство народности, инстинктъ, присущій русской демократіи, подскажетъ ей лойяльность по отношенію къ организаціоннымъ усиліямъ румынскаго государства и новую линію поведенія въ бессарабскомъ вопросѣ и этимъ создастъ возможность установить мостъ между двумя исторически разобщенными демократіями, русской и румынской, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и связь между двумя народами, русскимъ и румынскимъ.

Благодаря этому и въ силу однородности интересовъ рано или поздно осуществятся между Румыніей и національной Россіей миръ, доброжелательство и взаимное сотрудничество.

БЕССАРАБСКІЙ ВОПРОСЪ.

ГЛАВА I.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ БЕССАРАБІИ КЪ РУМЫНІИ.

Предпосылка о завоеваніи Бессарабіи играетъ очень важную роль въ бессарабскомъ вопросѣ. Тѣ, кто вѣритъ въ него, говорятъ: нельзя было завоевывать, разъ не было *права* завоеванія. А права завоеванія не существовало, такъ какъ Румынія и Россія были въ міровой войнѣ не врагами, а союзниками.

Легенда о завоеваніи была пущена въ публичный оборотъ прежде всего бессарабскими коммунистами, которыхъ въ 1918 г. румынскія войска отбросили за Днѣстръ, была подхвачена А. Крупенскимъ, лишившимся имѣнія въ Бессарабіи въ результатѣ аграрной реформы, и затѣмъ стала достояніемъ всего русскаго общественнаго мнѣнія.

Чтобы внести ясность въ этотъ вопросъ, необходимо представить себѣ, какъ произошло присоединеніе Бессарабіи къ Румыніи.

Актъ этого присоединенія въ 1918 г. имѣлъ мѣсто въ крайне сложной фактической и психологической обстановкѣ. Съ одной стороны—русская революція, съ другой—побѣда центральныхъ имперій, съ одной стороны—національное движеніе въ Бессарабіи, съ другой—естественное стремленіе Регата*) къ объединенію съ ней—все это — факторы первостепеннаго значенія, вліявшіе на ходъ событій въ Бессарабіи и такъ или иначе опредѣлявшіе ихъ исходъ. На этой почвѣ выросла та причудливая канва личныхъ отношеній и партійной борьбы, которая въ концѣ концовъ даетъ совершенно ясный узоръ присо-

*) Регатъ — Старое Королевство Румынія.

единенія. Побѣждаетъ историческій смыслъ національности или, по выраженію Короля Фердинанда, „высшій инстинктъ Рода“ *).

Для участниковъ этихъ событій, естественно, не можетъ быть вполнѣ отчетливо виденъ весь ходъ этого процесса. Каждый изъ нихъ отражаетъ въ своихъ мысляхъ о присоединеніи лишь частицу правды.

Вотъ почему такъ много разногласій въ вопросѣ о томъ, какіе факторы въ дѣлѣ присоединенія играли первенствующую роль и какіе второстепенную.

Всѣ существующія по этому поводу мнѣнія можно разбить на три группы. Одни говорятъ: первую роль въ присоединеніи играли регатскіе факторы, т. е. войско и тѣ люди, которые представляли регатъ, въ частности Стере, Маргиломанъ и др. Другіе говорятъ: главное значеніе имѣла пропаганда, которую вели трансильванцы; представитель регата Стере, ускоряя нормальный процессъ, лишь извратилъ его. Наконецъ, третьи полагаютъ, что дѣло присоединенія обязано своимъ осуществленіемъ прежде всего самимъ бессарабцамъ.

Первое мнѣніе представлено г. Cazacu **). Это же мнѣніе защищаютъ и всѣ противники присоединенія, правда прибавляя многое существенное и отъ себя и, въ особенности, мѣняя дружественный присоединенію аспектъ г-на Cazacu аспектомъ враждебнымъ ему.

Второе мнѣніе защищаетъ O. Ghibu ***). Наконецъ третье находимъ у историка I. Nistor'а ****).

Какое же изъ этихъ мнѣній соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности?

Передъ нами несомнѣнно сложный клубокъ взаимодѣйствій причинъ и слѣдствій. Ни одинъ изъ факторовъ, способствовавшихъ присоединенію, не могъ бы привести къ положительному результату безъ одновременно содѣйствующихъ ему другихъ факторовъ. Отсюда, вопросъ о томъ, какой факторъ

*) Парламентскіе дебаты палаты депутатовъ. Чрезвычайная сессія, 15 іюня 1918 г.

**) „Moldova dintre Prut şi Nistru“, стр. 264, 316—317.

***) *Onisifor Ghibu*. Dela Basarabia Rusească la Basarabia Românească“, Cluj, 1926, стр. CXIII, CXXII, CXLVIII, CLVIII, CLXVI, CLXIX. Его-же. „Cum s'a făcut unirea Basarabiei“, Sibiu, 1925, стр. 19.

****) *I. Nistor*. „Istoria Basarabiei“, Cernăuţi, 1923, стр. 422.

важнѣе, правильнѣе превратить въ вопросъ о томъ, какое мѣсто занималъ каждый изъ факторовъ и какъ онъ воздѣйствовалъ на другіе, т. е. въ вопросъ о психологической механикѣ событій.

Стержнемъ, вокругъ котораго вращалась вся революція 1917 года, была аграрная реформа. Кто могъ и долженъ былъ проводить ее въ Бессарабіи? Для кого она была своимъ, а не чужимъ дѣломъ? Очевидно, за осуществленіе ея должна была взяться интеллигенція, связанная съ деревней (какъ городская, такъ и деревенская). Соціалъ-демократы вообще и большевики въ особенности были очень далеки отъ молдавской деревни. Не знала ее по настоящему и партія соціалистовъ-революціонеровъ, не имѣвшая въ ней почти никакихъ связей.

Вотъ тутъ то и повыходили изо всѣхъ щелей бывшіе воспитанники духовной семинаріи, журналисты, учителя народныхъ училищъ, кооператоры, студенты, агрономы, земледѣльцы, священники и т. д. Они не имѣли привычки къ общественной и политической дѣятельности. Но революція заставила ихъ импровизировать. Началась борьба за овладѣніе настроеніями бессарабской деревни.

Интеллигенція, вышедшая изъ деревни и такъ или иначе съ нею связанная, размѣстилась въ двухъ организаціяхъ: съ одной стороны въ молдавской національной партіи и съ другой въ Крестьянскомъ Совѣтѣ, а со времени образованія краевого парламента — „Сфатулъ Цэрій" — въ молдавскомъ блокѣ и крестьянской фракціи.

Эти двѣ организаціи образовали тогда центръ общественной жизни края, при чемъ блокъ былъ „правымъ центромъ", а фракція—„лѣвымъ центромъ"; сторонники перваго были націоналъ-демократы, а второй—націоналъ-радикалы.

Отмѣчаю попутно, что всѣ или почти всѣ соціалисты-революціонеры крестьянской фракціи были свѣжими соціалистами революціонерами, только тогда, послѣ начала революціи, заявившіе о своемъ народническомъ credo.

Эти группы, составлявшія центръ общественнаго движенія въ Бессарабіи, имѣли слѣва соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ городского типа, за которыми шли представители меньшинствъ, съ крайне лѣвой стороны — большевиковъ, а справа — крупныхъ собственниковъ съ г. Синадино во

главѣ, которые одними изъ первыхъ просили въ Яссахъ о присоединеніи.

Таковы всѣ главныя теченія того времени. По ихъ проявленіямъ на фонѣ общественной жизни ихъ можно расположить въ рядъ по убывающему соціальному радикализму и возрастающему націонализму слѣдующимъ образомъ: 1) большевики, 2) партіи соціалъ-демоктратовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, 3) лѣвый центръ (крестьянская, или радикально-демократическая фракція), 4) правый центръ (молдавскій національный блокъ), 5) крупные собственники.

Въ томъ, что крупные собственники оказались націоналистичнѣе самого молдавскаго національнаго блока, нѣтъ ничего удивительнаго Это было результатомъ затѣвавшейся аграрной реформы. Сила вещей толкала ихъ къ націонализму, въ которомъ одномъ они видѣли свое спасеніе. Поэтому ихъ національизмъ былъ не столько идеей, сколько внутренней потребностью.

2 декабря 1917 года была провозглашена „Молдавская Демократическая Республика". Но провозгласить ее было гораздо легче, чѣмъ организовать и сохранить. Приходилось вести самую серьезную и отчаянную борьбу съ большевиками. Съ 28 декабря 1917 года начинается съ ихъ стороны дерзкая подготовка захвата власти въ свои руки.

Настойчивыя телеграммы директоріата молдавской республики къ ген. Щербачеву въ Яссы нисколько не помогали. „Самимъ нужны солдаты для фронта, держитесь собственными силами" — таковъ былъ краснорѣчивый смыслъ молчанія Яссъ.

6-го января 1918 г. прибываетъ въ Кишиневъ изъ Кіева отрядъ военоплѣнныхъ трансильванцевъ. Слѣдовательно, и теперь помощь шла не прямая, не изъ за Прута (самимъ солдаты нужны!). Однако, большевики сумѣли разоружить этотъ отрядъ. Овладѣвъ положеніемъ, они осмѣлились уже сдѣлать и открытый вызовъ власти: они потребовали директоровъ явиться къ отвѣту.

Это—несомнѣнно драматическій моментъ бессарабской революціи. Лицомъ къ лицу столкнулись представители городского пролетаріата-большевики и представители молдавской деревни, представители „центра.

Только теперь (вѣроятно подъ вліяніемъ увѣщаній делегатовъ молдавскаго блока въ Яссахъ) наконецъ румынское командованіе рѣшилось послать молодой республикѣ, своему военному тылу, помощь для водворенія порядка. 13 января румынскія войска подъ командой ген. Броштяну заняли г. Кишиневъ. 15 января онъ явился на засѣданіе „Сфатул'а Цэрій“ и въ краткой рѣчи обѣщалъ, что армія не будетъ вмѣшиваться въ политику. Ея задача состоитъ лишь въ водвореніи порядка.

Армія исполнила свое обѣщаніе. Чтобы не быть голословнымъ, сошлюсь на автора, освѣтившаго недавно вопросъ о присоединеніи Бессарабіи путемъ изданія соотвѣтствующихъ документовъ этой эпохи, — академика проф. St. Ciobanu.

Онъ указываетъ, что призывъ румынскаго войска въ Бессарабію не былъ изолированнымъ актомъ „въ исторіи русской революціи“. Правительство Скоропадскаго опиралось на нѣмцевъ, балтійскія государства также принимали помощь нѣмцевъ, Бѣлоруссія и Украинская рада призывали нѣмецкія войска*).

„Было бы большой ошибкой вѣрить въ то, что румыны завоевали Бессарабію“. Не говоря о томъ, что войска были неоднократно приглашаемы бессарабцами, необходимо обратить также вниманіе на то, что въ Бессарабіи со времени занятія ея румынскими войсками вплоть до присоединенія ничего не измѣнилось въ аппаратѣ администраціи и Краевомъ Совѣтѣ — „Сфатулъ Цэрій“, ничего не измѣнилось даже въ составѣ общественно-революціонныхъ органовъ, какими были земства, городскія учрежденія, меньшинственныя организаціи. „Сфатулъ Цэрій“ совершенно свободно обсуждалъ чисто революціонные законы, напр. объ избирательномъ законѣ для молдавской конституанты, законъ о судебныхъ учрежденіяхъ и т. д. И представители меньшинствъ не стѣснялись въ своихъ выраженіяхъ въ парламентѣ.

Отсюда имѣемъ право заключить, что „румынскія войска вводили порядокъ, необходимый для того, чтобы революціонная идея дошла до ея логическаго конца“. Въ этомъ состояла роль румынскаго войска въ Бессарабіи**).

---

*) *Stefan Ciobanu*. Unirea Basarabiei. Studiu şi documentele cu privire la mişcarea naţionala din Basarabia in anii 1917—1918, Bucureşti, 1929. Введеніе, стр. 74.

**) Ibidem, стр. 77—78.

Румынская армія открыла поле для спокойной дискуссіи, для организаціи. Изгнаніемъ большевиковъ она уничтожила ферментъ броженія, неурядицы, постоянной угрозы порядку и т. д.

Благодаря этому, „Сфатулъ Цэрій“ побѣждаетъ страхъ анархіи и разгрома Бессарабіи, страхъ слѣва. Остается еще страхъ справа, страхъ утраты завоеваній революціи, боязнь того, что румынская армія принесетъ съ собой антиреволюціонный духъ, т. е. сопротивленіе надеждамъ крестьянина на полученіе земли и на свободу.

Актъ независимости 24 января 1918 года отражаетъ на себѣ эти настроенія и въ свою очередь даетъ дальнѣйшій толчекъ къ колебаніямъ общественной психологіи между страхомъ справа и страхомъ слѣва, теперь выливающимся въ новую форму — боязни ухода румынской арміи за Прутъ за исчерпаніемъ своихъ задачъ.

Не такъ ли бываетъ и въ частной жизни: значеніе друга часто въ достаточной степени оцѣнивается лишь тогда, когда появляется опасеніе потерять его?

Послѣ акта независимости нѣкоторое значеніе стала играть и пропаганда румынской интеллигенціи, въ частности трансильванцевъ. Она ставила себѣ задачу убѣдить бессарабцевъ въ томъ, что аграрная реформа и свободы не будутъ ими потеряны, и, съ другой стороны, что и остальныя румынскія національныя территоріи стремятся къ національному объединенію.

Наступили тяжелые для Румыніи дни, когда она вынуждена была войти въ переговоры съ нѣмцами о перемиріи, а затѣмъ и о мирѣ. Предсѣдатель совѣта министровъ генералъ Авереско получилъ предложеніе со стороны центральныхъ державъ взять Бессарабію и раздѣлить ее съ австрійцами, въ обмѣнъ на Добруджу, но отказался. 5 Марта нов. ст. былъ подписанъ миръ въ Буфтя.

Съ разныхъ сторонъ Бессарабіи тѣмъ временемъ поступали просьбы о присоединеніи, адресованныя „Сфатул'у Цэрій“ и въ Яссы.

Правительство Авереско 18 Марта нов. ст. смѣняется правительствомъ Маргиломана. Страна лишается Добруджи и погружается въ разбитыя надежды. Тогда у румынскаго прави-

тельства возникаетъ естественная мысль: слѣдуетъ ли и дальше оттягивать разрѣшеніе окончательно назрѣвшаго вопроса о Бессарабіи, въ знакахъ симпатіи которой по отношенію къ Румыніи недостатка до сихъ поръ не было?

Для положительнаго рѣшенія этого вопроса надо было имѣть формальное согласіе населенія Бессарабіи и согласіе побѣдителя, т. е Германіи. Согласіе послѣдней легко было получено. Ни для себя, ни для Австріи взять Бессарабію она не могла. Все было противъ этого: и географія, и этнографія и исторія.

Оставалось выполнить другую часть программы: получить согласіе населенія черезъ авторитетные, представляющіе его органы. Чтобы убѣдить послѣдніе колеблющіеся элементы и помочь имъ побѣдить страхъ справа, былъ избранъ центромъ проф. Стере.

Онъ сумѣлъ сдѣлать это, ссылаясь на то, что Бессарабія не только не потеряетъ своихъ демократическихъ завоеваній, но напротивъ будетъ въ состояніи повлiять на введеніе ихъ въ Старомъ Королевствѣ, поможетъ и остальной Румыніи осуществить аграрную реформу и преобразовать свой государственный и общественный строй. Для этого достаточно было, по его мнѣнію, чтобы Бессарабія приняла вотумъ присоединенія на извѣстныхъ условіяхъ, съ обезпеченіемъ мѣстныхъ особенностей и правъ.

Это — была соблазнительная мысль. Въ такой обстановкѣ идея присоединенія не только получала новый толчокъ для своего осуществленія, но, больше того, облагораживалась съ національной точки зрѣнія, превращаясь въ общенаціональную румынскую цѣль, въ служеніе интересамъ всей націи.

Въ такомъ порядкѣ появился актъ присоединенія 27 Марта 1918 года.

Такъ въ теченіе короткаго промежутка времени, какихъ-нибудь 5 мѣсяцевъ, калейдоскопъ событій выковывалъ національное чувство и національную волю, *превращалъ идею служенія народу въ идею служенія націи. Національное начало побѣдило соціальную стихію, признавъ ея требованія.* Революція вошла въ свои берега. Она кончилась!

Такова вкратцѣ, въ очень суммарномъ видѣ, сложная механика силъ, игравшихъ роль въ національномъ и общественномъ движеніи въ Бессарабіи, которое по выраженію St. Ciobanu, было „полнымъ энтузіазма, чистымъ и незаинтересованнымъ“ *). Всѣ элементы его: правый и лѣвый центры, румынская армія, румынская пропаганда, внѣпарламентскія выраженія симпатіи Румыніи, событія міровой войны, персональныя усилія отдѣльныхъ лицъ — были одинаково необходимы для полученія результата. Все это вмѣстѣ взятое образуетъ одно сложное цѣлое, комплексъ взаимно обусловливающихъ другъ друга дѣйствій.

Ни въ коемъ случаѣ нельзя говорить о завоеваніи.

---

*) Ibidem, стр. 11 (Введеніе).

ГЛАВА II.

БОРЬБА ДВУХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КОНЦЕПЦІЙ (ИЛИ — О НЕДОВОЛЬСТВѢ БЕССАРАБІИ).

Часто приходится слышать отъ противниковъ присоединенія, что румынское управленіе Бессарабіей обладаетъ многими недостатками. Отсюда выводятъ заключеніе, что Бессарабію надо вернуть Россіи или что необходимо произвести плебисцитъ въ надеждѣ, что населеніе будетъ голосовать въ пользу Россіи. Въ устахъ представителей русской эмиграціи эти упреки совершенно непонятны. Стоя на національной точкѣ зрѣнія, они должны были бы признавать, что національность есть верховный принципъ и что нельзя рвать національныя узы изъ-за того, хорошъ режимъ или плохъ. Нормально лишь добиваться его улучшенія, но всегда въ рамкахъ сохраненія національнаго единства.

Другое дѣло — коммунисты, стоящіе на интернаціональной точкѣ зрѣнія. Они послѣдовательны. Истинная цѣль всѣхъ ихъ обвиненій вполнѣ понятна. Они полагаютъ, что ихъ управленіе несравнимо лучше всякаго другого и въ томъ числѣ румынскаго. А такъ какъ значеніе понятія національности для нихъ равно нулю, то они и стремятся овладѣть Бессарабіей, чтобы осчастливить ее Совѣтами и коммунистами.

Кратко и очень отчетливо изложены цѣли Совѣтской Россіи въ бессарабскомъ вопросѣ въ лозунгахъ издающагося въ Москвѣ журнала „Красная Бессарабія" *) Онъ ставитъ своей цѣлью: „1) сверженіе румынскаго боярства въ Бессарабіи въ результатѣ наростанія классовыхъ и національныхъ проти-

*) См. напримѣръ № 5—6 за сентябрь—декабрь 1926.

ворѣчій, 2) совѣтизацію Бессарабіи, 3) объединеніе Совѣтской Бессарабіи съ Автономной Молдавской Совѣтской Соціалистической Республикой, а черезъ нее и съ С.С.С.Р., 4) содѣйствіе со стороны Совѣтской Бессарабіи революціи въ Румыніи, 5) а путемъ революціи въ Румыніи и совѣтизаціи Балканъ". И такъ, вотъ какъ далеко идутъ цѣли коммунистовъ.

Къ этой цѣли они идутъ путемъ опредѣленной политики, проявленія которой таковы.

Прежде всего по постановленію Украинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета 11 октября 1924 года создана въ составѣ Украины Молдавская Соціалистическая республика. Она должна служить центромъ притяженія для всей Бессарабіи. Бессарабія принципіально входитъ (!) въ составъ этой республики и только за невозможностью фактически осуществить границу ея по Пруту приходится довольствоваться Днѣстромъ. Въ составъ этой маленькой республики входитъ 516.000 человѣкъ населенія, среди которыхъ 40% молдованъ *)

Молдавская республика не есть изолированное явленіе. Она лишь одинъ изъ примѣровъ преслѣдованія внѣшнихъ цѣлей въ національной политикѣ Совѣтовъ, одинъ изъ примѣровъ созданія въ составѣ Россіи національныхъ территорій, какъ очаговъ для сѣянія безпорядковъ въ сосѣднихъ государствахъ Эти національныя территоріи Совѣтская Россія утилизируетъ. для цѣлей Третьяго Интернаціонала **).

Для будированія молдованъ созываются съѣзды. Для характеристики искусственности этого явленія приведемъ нѣсколько цифръ, касающихся состава перваго съѣзда, происходившаго въ 1925 г. Всего присутствовало на немъ 73 человѣка, изъ которыхъ $^2/_3$ принадлежало къ составу коммунистической партіи. По національности распредѣленіе ихъ таково: молдованъ — 14, евреевъ — 26, украинцевъ — 14, русскихъ — 13, остальныхъ — 6. Среди упомянутыхъ 14 молдованъ — 9 коммустовъ, а съ точки зрѣнія профессіональнаго состава, всего 3 крестьянъ, изъ коихъ 2 коммуниста и 1 безпартійный.

---

*) „Первый съѣздъ Общества Бессарабцевъ 9—12 апрѣля 1925 г.", отчетъ по стенограммѣ, Москва, 1926, докладъ Холостенко, стр. 114—115.

**) П. Н. Милюковъ. Россія на переломѣ, Парижъ, 1927, т. I, стр. 256—257.

Съѣздъ избралъ президіумъ, въ который вошли въ качествѣ предсѣдателя украинецъ, замѣстителя его — еврей, отвѣтственнаго секретаря — еврей, членовъ — 3 еврея, 1 болгаринъ, 1 русскій и 1 молдованинъ (Холостенко). Въ Совѣтъ же избрано изъ 13 членовъ всего 2 молдованина *).

Итакъ, мы можемъ констатировать, что съѣзды бессарабцевъ это не „народъ", не населеніе, а коммунистическая партія и, слѣдовательно, агенты власти, это — совѣщаніе партійныхъ дѣятелей. При этомъ характерно, что на весь бессарабскій съѣздъ нашлось всего 3 молдованина крестьянъ, да и изъ тѣхъ 2 коммуниста.

Само собой разумѣется, подобнаго рода „бессарабскіе" съѣзды носятъ только видимость „бессарабскаго движенія" и представляются довольно безобидной забавой коммунистической партіи. Никому вреда причинить они не могутъ.

Зато опредѣленно вредной должна быть признана другая мѣра — экспортъ агитаторовъ и пропагандистовъ въ Бессарабію.

Наконецъ, и это главное, Совѣтская Россія намѣренно затягиваетъ признаніе Бессарабіи румынской территоріей, стремясь этимъ продлить состояніе неувѣренности въ окончательной судьбѣ Бессарабіи. Такая политика порождаетъ двоякаго рода слѣдствія.

Во-первыхъ, она отпугиваетъ отъ Бессарабіи иностранные и національные (румынскіе) капиталы. Основное свойство капитала заключается въ томъ, что онъ идетъ только туда, гдѣ нѣтъ риска. Естественно, что угроза войны не только не располагаетъ его идти на службу въ Бессарабію, но опредѣленно заставляетъ обходить ее. Больше того, можно безъ опасности ошибки утверждать, что совѣтская политика держанія бессарабскаго вопроса открытымъ не только создаетъ затрудненія Бессарабіи, но приноситъ вредъ и всей Румыніи въ цѣломъ. Страна, передъ которой въ перспективѣ есть возможность воевать, не можетъ быть мѣстомъ широкаго привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Слѣдовательно, Совѣтская власть приноситъ въ бессарабскомъ вопросѣ финансово-экономическій вредъ всему румынскому государству и, въ особенности, Бессарабіи.

*) Ibidem, стр 157—162.

Для послѣдней совѣтская политика порождаетъ еще и другія слѣдствія. Она держитъ закрытой для торговаго обмѣна длинную по протяженію бессарабскую границу по рѣкѣ Днѣстру. Бессарабія представляетъ собой узкій секторъ территоріи, ширина котораго на сѣверѣ всего — 20 верстъ и, постепенно увеличиваясь, доходитъ на югѣ до 180 верстъ. Длина же границы по Днѣстру — 460 верстъ. Граница эта представляетъ собой изогнутую линію, вдающуюся въ Совѣтскую Россію. Закрытіе границы при такомъ протяженіи, для полосы такой ширины, въ любомъ государствѣ неизбѣжно создало бы экономическій кризисъ. Но если это закрытіе насчитываетъ цѣлый десятокъ лѣтъ, то въ результатѣ можетъ получиться только перманентный экономическій кризисъ. Къ сожалѣнію, изъ этихъ десяти лѣтъ Бессарабія имѣла очень мало опредѣленно урожайныхъ лѣтъ, что еще усугубляло положеніе.

Если совѣтскіе политики такъ часто прибѣгаютъ къ ссылкамъ на неумѣніе Румыніи организовать и наладить экономическую жизнь Бессарабіи, то это — только фразы лицемѣровъ, перелагающихъ собственную вину со своихъ плечъ на чужія, это — коварная интрига.

Во-вторыхъ, помимо экономическихъ и финансовыхъ затрудненій совѣтская политика создавала и затрудненія административнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны неисключенная возможность войны изъ за Бессарабіи, съ другой стороны регулярное снабженіе Бессарабіи изъ-за Днѣстра совѣтскими агентами — побуждали румынское правительство держать Бессарабію на военномъ положеніи.

Практика всѣхъ государствъ знаетъ (и это стало общимъ мѣстомъ науки конституціоннаго и административнаго права), что военное положеніе является годнымъ средствомъ управленія государства лишь въ особые опасные моменты для его существованія. Точно также считается аксіомой, что военное управленіе, обладая достоинствомъ быстроты дѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большіе недостатки. Пріостанавливая нормальный строй правовой жизни, военное управленіе создаетъ среди управляющихъ психологію усмотрѣнія и произвола, а у населенія воспитываетъ чувство неуваженія къ праву, сознаніе, что сила

является верховнымъ господиномъ страны, деградацію моральныхъ чувствъ.

Между тѣмъ, „могущество права, — какъ удачно выразился однажды В. М. Гессенъ, — заключается въ его нравственномъ авторитетѣ. Этимъ авторитетомъ и только имъ право господствуетъ надъ міромъ соціальныхъ противорѣчій, надъ дикими страстями, разсчетливыми и лукавыми интересами человѣка“.

Естественно, что военное управленіе въ Бессарабіи не могло быть лучше того, чѣмъ оно всегда и вездѣ бываетъ

Но здѣсь положеніе осложнилось еще слѣдующимъ. Во всей Европѣ послѣ войны наступилъ извѣстный духовный кризисъ. Довоенная жизнь народовъ стала казаться прелестнымъ сномъ. Она была насыщена увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, спокойствіемъ и извѣстнымъ довольствомъ. Послѣ войны всѣ эти блага оказались утраченными. Все пришло въ замѣшательство. И настоящее стало невольно противополагаться прошлому, какъ „золотому вѣку“, погибшему въ огнѣ военныхъ испытаній. Къ счастью, энергія человѣчества безгранична. Оно принялось за возстановленіе разрушеннаго хозяйства, за водвореніе политическаго спокойствія и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Въ этомъ направленіи уже многое сдѣлано. Происходитъ медленный процессъ „стабилизаціи“ жизни.

Тотъ же процессъ изживанія послѣдствій войны былъ бы неизбѣжнымъ и въ Бессарабіи (какъ и во всей Европѣ), если бы она сразу же политически была поставлена въ состояніе полной опредѣленности. Но этого не случилось. Бессарабскій вопросъ все еще ждетъ своего разрѣшенія.

Естественнымъ слѣдуетъ, поэтому, считать то обстоятельство, что населеніе, не отдающее себѣ полнаго отчета въ причинахъ и слѣдствіяхъ, иногда всю вину за неувѣренность въ своей судьбѣ, за экономическій кризисъ, за административную несправедливость цѣликомъ относило на счетъ тѣхъ, кто имъ управлялъ.

Дѣйствительно, правительство либеральной партіи, фактически правившее страной почти десять лѣтъ, было правительствомъ реакціоннымъ. Оно систематически губило всякое проявленіе жизни въ Бессарабіи. Политика неравенства бессараб-

цевъ съ остальными гражданами приводила многихъ въ Бессарабіи въ отчаяніе

Но по совѣсти говоря, развѣ можно утверждать, что всѣ рѣшительно бѣды проистекали отъ политическаго режима либераловъ? Конечно нѣтъ. Многое изъ внутренней жизни Бессарабіи было лишь отраженіемъ международнаго положенія Бессарабіи. И экономическій кризисъ и административныя неурядицы во многомъ питались наличіемъ не разрѣшеннаго окончательно бессарабскаго вопроса.

Правительство, пришедшее на смѣну разнымъ такъ называемымъ либеральнымъ кабинетамъ 10 ноября 1928 г, національно-крестьянское правительство Маніу, слѣлало благородный и смѣлый шагъ. Оно отмѣнило военное положеніе и цензуру въ Бессарабіи, какъ и во всей странѣ, положившись на гражданское воспитаніе населенія и пониманіе имъ своей собственной выгоды въ поддержаніи полнаго порядка.

Оно задалось цѣлью устранить административный произволъ, воспитать въ населеніи чувство законности и, что очень важно, установить равенство всѣхъ гражданъ другъ къ другу. Оно стремится, насколько возможно, устранить и экономическую депрессію въ Бессарабіи.

Но сможетъ ли оно успѣть во всемъ? Не будетъ ли попрежнему неразрѣшенность бессарабскаго вопроса оказывать свое вліяніе на всю жизнь Бессарабіи? Не будутъ ли по прежнему капиталы, способные оживить промышленность, торговлю и земледѣліе, избѣгать своего примѣненія въ Бессарабіи, несмотря на всѣ благія мѣры правительства? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что да.

И тогда, на комъ будетъ лежать отвѣтственность за современное состояніе Бессарабіи? Чья будетъ вина?

Очевидно, что на основаніи сказаннаго можетъ быть только одинъ отвѣтъ: вина будетъ лежать на тѣхъ, кто такъ или иначе держитъ бессарабскій вопросъ въ состояніи его невырѣшенности, т. е. на большевикахъ, перводвигателяхъ недовольства населенія, и на тѣхъ, кто своей солидарностью съ Совѣтами поддерживаетъ въ иностранныхъ государствахъ впечатлѣніе русскаго единодушія въ бессарабскомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ менѣе всего могутъ быть дѣлаемы упреки румынскому управленію Бессарабіей, такъ какъ внутреннее недовольство Бессарабіи въ значительной степени питается не вполнѣ нормальнымъ международнымъ положеніемъ Бессарабіи, невырѣшенностью такъ называемаго бессарабскаго вопроса.

Въ той степени, въ какой недовольство не исчерпывается причинами, кореняшимися въ сферѣ международныхъ отношеній, оно вовсе не имѣетъ того смысла, который придаютъ ему противники присоединенія Бессарабіи къ Румыніи.

Въ самомъ дѣлѣ, бессарабцы будучи недовольными неравнымъ трактованіемъ ихъ, какъ гражданъ, по сравненію съ другими гражданами Великой Румыніи, однако, никогда не дѣлаютъ отсюда вывода: „необходимо вернуться снова въ Россію".

Недовольные не стремятся къ разрыву національной связи, ихъ чувства не выходятъ за предѣлы рамокъ обыкновеннаго недовольства, свойственнаго и другимъ государствамъ.

Одинъ изъ самыхъ радикальныхъ представителей интересовъ Бессарабіи въ составѣ Румыніи проф. Stere въ своемъ такъ называемомъ письмѣ—завѣщаніи, напечатанномъ въ газетѣ „Adevărul" въ Апрѣлѣ 1930 года, опредѣленно заявляетъ, что въ настоящее время „ни Бессарабія не можетъ обходиться безъ Румыніи, ни Румынія безъ Бессарабіи".

Другой замѣчательный по своей многозначительности фактъ представляютъ коммунальные выборы въ Бессарабіи въ Мартѣ 1930 г.

Подано было по Бессарабіи всего 40.337 голосовъ. Распредѣленіе ихъ между партіями и организаціями, конкуррировавшими на выборахъ, таково:

1. Партія національно-крестьянская . .	22.327
2. Партія національно-либеральная . .	6.615
3. Рабоче-крестьянскій блокъ	1.870
4. Еврейскіе списки	5.072
5. Списки русскаго меньшинства . . .	2.389
и 6. Разные мелкіе списки	2.064

Выборы протекали въ условіяхъ полной свободы и тѣмъ не менѣе списокъ русскаго меньшинства собралъ всего только какихъ-нибудь 6% общаго числа поданныхъ голосовъ. Могло

ли бы это случится, если бы дѣйствительно Бессарабія противилась связи съ Румыніей? Не воспользовалась ли бы она первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вручить хотя бы управленіе бессарабскими городами людямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ знамя русской національности? Могла ли бы Бессарабія въ этотъ моментъ скрыть свои чувства по отношенію къ остальной Румыніи, если бы она дѣйствительно желала прекращенія нынѣшней государственной связи? Конечно, нѣтъ.

Если же русскій списокъ собралъ такъ мало голосовъ и при томъ въ городахъ, гдѣ русская культура всегда коренилась глубже чѣмъ въ деревнѣ, то это означаетъ, что ошибаются тѣ, кто отъ недовольства Бессарабіи заключаетъ къ антирумынскимъ чувствамъ ея.

Независимо отъ этого, на основаніи нашихъ наблюденій мы можемъ утверждать, что русскія меньшинственныя организаціи въ Бессарабіи проникнуты полной лойяльностью и уваженіемъ къ наличной государственной связи.

Чтобы окончательно исчерпать вопросъ, необходимо освѣтить его нѣсколько шире, поставивъ въ связь съ общимъ процессомъ приспособленія и сращиванія другъ съ другомъ отдѣльныхъ національныхъ территорій — составныхъ частей Румыніи.

Съ тѣхъ поръ какъ появилась на исторической сценѣ Великая Румынія, неизбѣжно всталъ на очередь и вопросъ о томъ, какъ, какими средствами стремиться къ ея консолидаціи. Два пути были возможны: или преобладаніе какой нибудь одной части территоріи надъ остальными, или осуществленіе между всѣми ними полнаго равенства, иначе говоря, или проведенная фактически субординація или координація.

Либеральная партія, преемственно сохранившая въ своихъ рукахъ власть и въ новой Румыніи, избрала первый путь и въ теченіе 10 лѣтъ проводила въ Бессарабіи политику угнетенія*).

Политика эта проводилась часто при помощи морально неустойчивыхъ элементовъ, нахлынувшихъ для наживы изъ за Прута. Съ другой стороны, къ власти привлекались и собственные далеко не лучшіе бессарабскіе элементы. И вмѣстѣ,

*) См. мою статью „Spiritul Basarabiei" въ газетѣ „Cuvântul" отъ 12 Апрѣля 1930 г.

взявшись за руки, они танцевали діавольскій танецъ на тѣлѣ экономически деградирующей Бессарабіи.

Румынская демократія, представительницей которой является партія національно крестьянская, напротивъ, отвергла способъ насилія и, придя къ власти въ Ноябрѣ 1928 года, стала проводить въ жизнь второй путь, путь равенства, путь взаимнаго пониманія и соглашенія.

Въ основѣ этой демократической политики лежитъ и новое пониманіе культурной проблемы въ Румыніи. Съ точки зрѣнія національно-крестьянской партіи каждая изъ присоединившихся территорій имѣетъ равное право на участіе въ выработкѣ общерумынской культуры. Будущая культура должна быть результатомъ свободнаго соревнованія всѣхъ жизненныхъ силъ націи.

Въ настоящее время происходитъ ожесточенная борьба указанныхъ двухъ государственныхъ концепцій. Трудно предугадать, какая изъ нихъ побѣдитъ.

Эта чисто внутренняя борьба, начавшаяся сразу же послѣ организаціи новаго послѣвоеннаго румынскаго государства, нашла свое отраженіе въ Бессарабіи въ томъ недовольствѣ, которое за рубежомъ иные принимали за недовольство вообще Румыніей и которое, въ дѣйствительности, было лишь проявленіемъ демократическаго міровоззрѣнія бессарабцевъ.

Сказанное выше должно служить вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ на упрекъ, сдѣланный однажды автору со стороны П. Н. Милюкова въ рецензіи его на книгу „Бессарабія и русско-румынскія отношенія" *) о томъ, что будто бы я „трактуя почти исчерпывающе юридическую сторону вопроса, тщательно обхожу его жизненную сторону, реальную обстановку, въ которой произошло все дѣло анексіи, насилія, съ которыми оно было совершено, дѣйствительное отношеніе бессарабскаго населенія къ Румыніи и т. д." **).

Я не обходилъ жизненной стороны вопроса, но она казалась и кажется мнѣ совершенно иной, чѣмъ какъ представляютъ ее себѣ противники присоединенія Бессарабіи къ Румыніи.

*) „La Bessarabie et les relations russo-roumaines", Paris 1927, éditeur J. Gamber.

**) „Послѣднія Новости", 1927 г., 7 Апрѣля.

ГЛАВА III.

РУМЫНСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

Румынское общественное мнѣніе не разъ и не двусмысленно выражало свое отношеніе къ бессарабскому вопросу. Для него этого вопроса въ сущности не существуетъ. Для него это — часть національной программы, это осуществленіе идеала національнаго единства. Отсюда, вытекаетъ право на Бессарабію и обязанность ея защиты противъ посягательствъ другихъ.

Приведу нѣсколько мнѣній.

Въ рѣчи по случаю десятилѣтняго юбилея присоединенія Бессарабіи принцъ — регентъ Nicolae сказалъ между прочимъ: „Мы вполнѣ надѣемся, что Россія, къ которой мы близки въ виду общности православной вѣры и съ которой мы желали бы сохранить самыя лучшія отношенія сосѣдства, противится нашей точкѣ зрѣнія, не имѣя для этого никакого интереса, и что она, наконецъ, признаѣтъ наши неоспоримыя права на эту часть древней Молдавіи, съ чисто молдавскимъ населеніемъ, чтó доказывается, если нужно, между прочимъ и тѣмъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Бессарабіей организована подъ опекой русскаго правительства молдавская республика“.

Лидеръ національно-либеральной партіи Vintila Brătianu называетъ 1918-й годъ историческимъ. „Онъ является послѣднимъ кольцомъ въ длинной цѣпи жертвъ, битвъ, тысячъ лѣтъ несчастливой жизни, для національности, которая пожелала, сумѣла и могла стать владычицей своей судьбы“. Этотъ годъ осуществилъ національный идеалъ румынъ.

Лидеръ національной партіи извѣстный профессоръ исторіи Nicolae Iorga пишетъ по случаю того же юбилея:

„Не можетъ быть и рѣчи о „присоединеніи“ Бессарабіи, но слѣдуетъ говорить о пересозданіи національнаго тѣла, разорваннаго узкой политикой монарховъ, политикой раздѣленія кусковъ земли и человѣческихъ головъ безъ вниманія къ правамъ и къ волѣ человѣческихъ душъ.

Этотъ періодъ распредѣленія добычи прекратился, чтобы уступить свое мѣсто органическимъ формаціямъ національнаго характера.

Когда судъ, возстанавливающій справедливость, судъ просвѣщенной совѣсти націй, организованныхъ въ государства, возсоздалъ Польшу, эту великую жертву, стало обязательнымъ, чтобы и въ Бессарабіи совершилось возстановленіе румынской Молдавіи.

Бессарабія, страна Басарабовъ и Стефана Великаго, присоединившаяся къ Румыніи, не есть созданіе новой дипломатіи, но уничтоженіе преступленія старой дипломатіи.

Мы просимъ Россію сегодняшняго дня, считающую себя свободной отъ преступнаго наслѣдства царизма, чтобы и она апплодировала нашимъ словамъ“ *)

Шефъ народной партіи генералъ Averescu пишетъ:

„Возвращеніе Бессарабіи въ лоно отечества — матери, совершившееся 10 лѣтъ тому назадъ, обязано своимъ происхожденіемъ, конечно, счастливому для насъ стеченію обстоятельствъ. Но больше всего оно обязано инстинкту сохраненія румынизма, сберегшемуся живымъ въ разрозненныхъ частяхъ нашего рода. Этотъ инстинктъ держалъ ихъ всегда объединенными въ общемъ желаніи политическаго единства.

Именно этими словами я привѣтствовалъ 28 Февраля 1918 г. въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ первыхъ делегатовъ Бессарабіи г.г. Инкульца и Чугуряна, пріѣхавшихъ въ Яссы, чтобы предложить соединеніе Бессарабіи съ Румыніей“*).

Узкая и слѣпая политика партій, находившихся у кормила правленія съ 1918 по 1928 годъ, послужила основаніемъ для національно-крестьянской партіи уклониться отъ торжественнаго празднованія десятилѣтняго юбилея присоединенія Бессарабіи.

*) Газета „Universul“, 30 Апрѣля 1928 г. № 99.

Чтобы объяснить, однако, позицію демократическаго теченія румынскому общественному мнѣнію, лидеръ этой партіи Iuliu Maniu счелъ необходимымъ обратиться къ предсѣдателю областной организаціи этой партіи въ Бессарабіи P. Halippa со спеціальнымъ письмомъ*).

Приведу наиболѣе существенныя выдержки изъ этого замѣчательнаго письма.

„Въ самые трагическіе моменты нашей войны, когда жертвы стараго королевства казались напрасными, когда Ардялъ и Банатъ не могли еще предвидѣть свое близкое историческое предназначеніе, когда Буковина была еще полемъ борьбы, дорогая земля Бессарабіи соединялась съ тѣломъ матери, ущербленнымъ къ тому времени непріятелемъ....

Пусть во вѣки будетъ почитаться память тѣхъ, которые 9 апрѣля 1918 г., слѣдуя только духовному призыву румынъ, объявили всему міру рѣшеніе румынскаго народа Бессарабіи жить всегда въ одномъ общемъ для всѣхъ румынъ государствѣ.

Тѣ, кто совершилъ историческій актъ присоединенія Бессарабіи, должны быть горды.. Они вошли въ исторію нашего рода..

Если съ тѣхъ поръ сердце Бессарабіи часто озабоченно билось, если съ тѣхъ поръ въ ней было много заплаканныхъ глазъ, ни Бессарабія, совершившая присоединеніе, ни тѣ, кто стремился его выковать, пусть не печалятся.

Страна не виновна. Десять лѣтъ вся объединенная нація терпѣла то же болѣзненное разочарованіе. Десять лѣтъ она боролась съ рѣшимостью, съ терпѣніемъ и смѣлостью..

Прекрасная и достойная душа Бессарабіи, которой принадлежитъ первый жестъ національнаго освобожденія, была глубоко оскорблена временными узурпаторами государственной власти...

Бессарабія, освобожденная отъ ига русской автократіи, пожелала государственной жизни демократической и національной, въ разсчетѣ, что, сохраняя установленія перешедшія по наслѣдству отъ прадѣдовъ, она получитъ возможность нестѣсненнаго развитія и децентрализованную администрацію, которая

*) Опубликовано въ газетѣ „Dreptatea“ въ Бухарестѣ 8 апрѣля 1928 г. № 146 и въ другихъ органахъ.

позволила бы ей развиваться въ единомъ національномъ тѣлѣ, безъ ущерба своимъ пріобрѣтеніямъ въ прошломъ и съ обезпеченіемъ всѣхъ возможностей преуспѣянія въ будущемъ.

Поэтому, въ торжественные часы, подобные сегодняшнимъ, когда празднуется десять лѣтъ со времени соединенія Бессарабіи, мы должны направить всѣ наши силы для завоеванія Бессарабіи и всей странѣ режима демократіи.

Не становитесь добычей отчаянія!

Страна, способная на столько жертвъ и давшая доказательство столь сильной моральной крѣпости, заслуживаетъ того чтобы жить свободной, могучей и богатой и будетъ жить!"

Предсѣдатель румынской Академіи Наукъ проф. Ion Bianu въ своемъ письмѣ ко мнѣ по бессарабскому вопросу сравниваетъ исторію Бессарабіи съ одной румынской народной легендой о томъ, какъ однажды возлѣ колодца змѣй-драконъ силился проглотить вооруженнаго воина и уже успѣлъ было ввести себѣ его въ пасть наполовину съ ногъ до пояса, какъ вдругъ прибѣжалъ на помощь, услышавши нечеловѣческіе крики погибавшаго, безстрашный витязь. Онъ убиваетъ страшное чудовище, освобождаетъ воина отъ опасности и смываетъ съ него ядовитую слюну. Затѣмъ оба становятся крестными братьями и вмѣстѣ воюютъ противъ разнаго рода злыхъ дикихъ звѣрей.

Погибавшій воинъ есть символъ Бессарабіи подъ русскимъ владычествомъ. Витязь — Румынія.

Поэтому сущность бессарабскаго вопроса, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, чтобы „эта часть румынскаго отечества была приведена къ здоровой жизни рода, языка и закона, отъ которыхъ была отдѣлена въ теченіе столѣтія, и чтобы она была очищена отъ слѣдовъ чужеземной отравы, проникшей въ организмъ ея, которая фальсифицируетъ естественное и здоровое функціонированіе и сознаніе ея".

Это мнѣніе должно быть отнесено къ консервативной, антидемократической концепціи сращиванія отдѣльныхъ частей румынскаго государства *).

Профессоръ Бухарестскаго Университета G. G. Mironescu, (нынѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ) въ мартѣ 1928 г., т. е. до назначенія его Министромъ, такъ освѣщалъ сущность бес-

*) См. выше гл. II—„Борьба двухъ государственныхъ концепцій".

сарабскаго вопроса: „Нѣтъ и тѣни сомнѣнія, что Бессарабія — румынская земля. Теперь, по собственной волѣ, она соединена навѣки съ остальными румынскими землями. Для насъ, румынъ, не существуетъ вопроса о Бессарабіи. Будемъ защищать Бессарабію противъ враговъ такъ, какъ мы защищали бы любой кусокъ земли нашего отечества.

Необходимо, однако, озаботиться, чтобы эта провинція преуспѣвала со всѣхъ точекъ зрѣнія, съ одной стороны въ интересахъ прогрессированія нашей страны, а съ другой стороны съ той цѣлью, чтобы бессарабская провинція служила очагомъ культуры и точкой притяженія для заднѣстровскихъ румынъ, которыхъ не слѣдуетъ забывать.

Смыслъ русской претензіи на Бессарабію заключается въ стремленіи къ завоеванію берега Чернаго моря съ Константинополемъ и Босфоромъ. Поэтому, не по мотивамъ освобожденія населенія и не по принципу національностей, но только для имперіалистическихъ цѣлей, русскіе претендуютъ на распространеніе своего владычества надъ румынской провинціей".

Можно было бы продолжить и дальше отзывы по бессарабскому вопросу представителей румынской политической мысли и науки, но думается нѣтъ надобности. И приведенныя мнѣнія достаточно ярко характеризуютъ румынскую точку зрѣнія во всѣхъ ея нюансахъ Общее, что можно вывести за скобки изъ всѣхъ этихъ мнѣній, заключается въ признаніи Бессарабіи румынской землей. Присоединеніе же Бессарабіи къ Румыніи считается одной изъ мѣръ, направленныхъ къ осуществленію румынскаго національнаго идеала.

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Такъ какъ историческіе аргументы являются для бессарабскаго вопроса одними изъ наиболѣе важныхъ, необходимо удѣлить имъ долю вниманія.

Нѣтъ никакой возможности изложить здѣсь исторію Бессарабіи или исторію русско-румынскихъ отношеній хотя бы даже вкратцѣ*).

Поэтому ограничусь лишь нѣкоторыми отдѣльными фактами и заключеніями.

1. Безпристрастный очевидецъ Ф. Вигель, посѣтившій Бессарабію вскорѣ послѣ завоеванія ея въ 1812 году, свидѣтельствуетъ, что Бессарабія не только находится въ особыхъ условіяхъ, какъ балтійскія провинціи и польскія губерніи, отобранныя Россіей, но подобно Польшѣ и великому княжеству Финляндскому имѣетъ „собственное политическое существованіе*).

Вотъ ясное свидѣтельство того, что сама русская власть въ первое, послѣ завоеванія, время уважала прежніе законы и обычаи края. По степени уваженія къ нимъ она ставила Бессарабію на такое-же мѣсто, какъ Польшу и Финляндію.

Польша и Финляндія теперь эмансипировались. Они снова пріобрѣли независимое политическое существованіе. И только относительно Бессарабіи продолжаетъ существовать спорность. Чѣмъ-же она объясняется? Объясненіе кроется въ томъ, что

---

*) Читатель, интересующійся этими вопросами, равно какъ и всей аргументаціей въ бессарабскомъ вопросѣ, могъ бы найти соотвѣтствующія данныя въ моей книгѣ: „La Bessarabie et les relations russo-roumaines", Paris, 1927.

*) Ф. Вигель. Русскій Архивъ, 1893, т. I, Москва, стр. 6—7.

Россія овладѣла наибольшей частью Польскаго государства и всей Финляндіей. Бессарабія-же составляла только часть Румыніи (тогда Молдавіи).

Поэтому, въ Польшѣ и въ Финляндіи русское правительство съ большимъ трудомъ вело дѣло руссификаціи, такъ какъ чѣмъ значительнѣе народная масса, тѣмъ большее сопротивленіе оказываетъ она чужимъ національнымъ вліяніямъ.

Напротивъ въ Бессарабіи, превратившейся всего въ одну губернію, такое сопротивленіе русскому вліянію оказывалось гораздо болѣе труднымъ. Не руссифицируя этотъ край прямо, правительство прибѣгло къ разжиженію мѣстнаго населенія пришельцами, по большей части не русскаго происхожденія. И, такимъ образомъ, оно за сто лѣтъ обладанія Бессарабіей успѣло затемнить и извратить чисто молдавскій характеръ этой страны.

Современные русскіе политики стремятся использовать эту особенность Бессарабіи. Настаивая на принадлежности ея Россіи, они требуютъ этимъ выдачи ей преміи за успѣшное измѣненіе физіономіи этого края.

2. До присоединенія къ Россіи Бессарабія входила въ составъ румынскаго княжества Молдавіи, раздѣляя съ ней общую судьбу.

Въ Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ за 1860 годъ (№ 22—24) нѣкій И. Т. пишетъ слѣдующее: „До присоединенія Бессарабіи къ Россійской Имперіи въ 1812 г. она состояла подъ однимъ управленіемъ съ Молдавіею, составляя часть ея*)".

Привожу эту выписку, чтобы показать, что въ 1860 году національное происхожденіе Бессарабіи было еще хорошо извѣстно. Но прошло 60 съ лишнимъ лѣтъ и знаніе это утратилось. Въ 1924 году одинъ изъ совѣтскихъ авторовъ г. Дембо пишетъ, что молдоване Бессарабіи не суть румыны**).

3. Первоначально названіе „Бессарабія" было присвоено только южной части Бессарабіи, получившей свое названіе отъ валашской династіи Бассарабовъ. Остальная же часть называлась Молдавіей (нынѣшняя сѣверная часть — называлась вер-

*) Записки Бессарабскаго Статистическаго Комитета, подъ редакціей Егунова, т. III Кишиневъ, 1868 г., стр. 34.

**) Дембо. Бессарабскій вопросъ. Москва, 1924, стр. 133.

хней Молдавіей, нынѣшняя центральная часть — нижней Молдавіей).

Только со времени русской оккупаціи, послѣ 1807 года, нынѣшняя территорія Бессарабіи получила это названіе, сохранившееся за нею и впослѣдствіи въ видѣ наименованія „Бессарабской области".

Въ современномъ румынскомъ литературномъ языкѣ она называется иногда Восточная Румынія (România Orientală), иногда Молдавія между Прутомъ и Днѣстромъ (Moldova dintre Prut şi Nistru) и, наконецъ, чаще всего Бессарабія (Basarabia).

4. Если бы Россія завоевала не часть Молдавіи, а всю ее, или кромѣ нея еше и Мунтенію, то въ настоящее время бессарабскаго вопроса не существовало бы. Для всѣхъ было бы совершенно очевидно, что сохраненіе въ составѣ Россіи столь инородныхъ тѣлъ представляется явленіемъ абсолютно ненормальнымъ. При данномъ же положеніи дѣла, когда приходится возстанавливать румынскій суверенитетъ лишь надъ частью отторгнутой отъ Румыніи территоріи, автохтонное населеніе которой въ процентномъ отношеніи ко всему населенію уменьшилось благодаря наплыву колонистовъ, конечно ясность и простота рѣшенія этого вопроса не сразу были доступны.

5. Россія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ не разъ выражала стремленіе завоевать румынскія княжества. Въ 1739 году Минихъ совѣтовалъ Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ анексировать Молдавію, „преизрядную и не хуже Лифляндіи землю", укрѣпить ее за собой, а затѣмъ завоевать и Мунтенію.

Царствованіе Императрицы Екатерины II-ой открываетъ собой періодъ русской экспансіи. Она требовала управленія княжествами во время своей первой русско-турецкой войны (1768—1774). Идея завоеванія княжествъ затѣмъ всплыла въ „греческомъ проектѣ" фельдмаршала Потемкина и князя Безбородко.

Въ царствованіе имп. Павла графъ Растопчинъ, пользовавшійся вліяніемъ у царя, считалъ Турцію „безнадежно больнымъ, которому врачи не желаютъ объявить объ опасности" и предлагалъ раздѣлить Турцію, причемъ Молдавію должна была взять Россія, а Мунтенію — Австрія.

Стремился присоединить княжества къ Россіи и имп. Александръ I. Ему удалось получить на это согласіе имп. Наполеона I. Князь Прозоровскій составилъ даже на случай ихъ завоеванія проектъ раздѣленія княжествъ на 4 губерніи: первую должна была составить Бессарабія, вторую — Молдавія и двѣ другія Мунтенія.

Въ іюнѣ 1811 г. по порученію императора канцлеръ графъ Румянцевъ писалъ Кутузову: „извѣстнѣйшая и главнѣйшая цѣль — утвержденіе за нами обоихъ княжествъ; никакія другого рода пріобрѣтенія замѣнить того не могутъ“. Въ крайнемъ случаѣ разрѣшалось ограничиться территоріальными пріобрѣтеніями по р. Серетъ и проводилась мысль о возможности сдѣлать какой-нибудь выгодный промѣнъ съ Австріей уступкою ей Валахіи за другую область *).

Подъ давленіемъ неудачно складывающейся международной обстановки и намѣчающейся перспективы войны съ Наполеономъ, русское правительство поспѣшило съ заключеніемъ мира съ Турціей. Переговоры прошли нѣсколько стадій. Сначала русскіе требовали для себя отъ Турціи примѣрно двѣ трети Молдавіи по рѣку Серетъ и Бессарабію, но въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію на основѣ перехода къ Россіи всей территоріи между Прутомъ и Днѣстромъ. Это приблизительно половина всей Молдавіи. Соглашеніе было подписано въ Букарестѣ 16 мая 1812 года **)

При императорѣ Николаѣ I замышляется новая попытка вовлечь княжества въ орбиту русской политики и затѣмъ подчинить ихъ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ переговоры императора съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ ***).

Послѣ неудачной крымской войны Россія теряетъ южную часть Бессарабіи, но затѣмъ въ 1878 году снова возвращаетъ ее себѣ въ обмѣнъ на Добруджу. Общественное мнѣніе Румыніи квалифицировало этотъ обмѣнъ какъ прямое и тяжкое нарушеніе ея національныхъ интересовъ, и поведеніе Россіи, вынудившей Румынію къ этой уступкѣ, объясняло правомъ сильнѣйшаго.

*) Поповъ. Отечественная война 1812 г., М., 1905, т. I. Сношенія Россіи съ иностр. государствами передъ войной 1812 г., стр. 307—308.

**) Martens G. Nouveau Receuil des traités, t. III, p. 397.

***) Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ, т. II, стр. 29—31.

Итакъ, передъ нами — настойчивыя домогательства Россіи по отношенію къ княжествамъ на протяженіи ряда смѣнявшихъ другъ друга царствованій.

Исторія судила, чтобы Россіи удалось осуществить только одну часть своей программы. Бо́льшая часть территоріи княжествъ продолжала оставаться въ составѣ Турціи.

Міровая война принесла румынамъ на гребнѣ своихъ разрушеній одно великое утѣшеніе. Она собрала ихъ всѣхъ въ одно политическое цѣлое и позволила впредь упражнять и развивать свои собственныя національныя качества.

И вотъ ополчается противъ этого съ одной стороны совѣтская власть, для которой понятіе правъ національности является пустымъ звукомъ, и съ другой стороны—русская эмиграція, солидарность которой съ совѣтской властью есть въ сущности участіе въ чужомъ дѣлѣ.

Совѣтской эмиграціи, гонимой краснымъ Интернаціоналомъ, познавшей въ мукахъ рожденія новой Россіи весь глубокій смыслъ національной связи, не можетъ не быть противоестественнымъ воздвиганіе преградъ дѣлу возрожденія другой національности и особенно сосѣдней, съ которой въ будущемъ исторія не разъ свяжетъ Россію.

ГЛАВА V.

ПОКУШЕНІЕ СЪ НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ.

(Статья г. Адамова).

Ко дню пятидесятилѣтія независимости Румыніи была опубликована въ Совѣтской Россіи въ издающемся Народнымъ Комиссаріатомъ Иностранныхъ Дѣлъ органѣ „Международная жизнь"*) статья нѣкоего Адамова относительно бессарабскаго вопроса и русско-румынскихъ отношеній подъ заглавіемъ: „Бессарабскій вопросъ и русско-румынскія отношенія".

Авторъ поставилъ себѣ опредѣленную задачу доказать, что Румынія еще могла бы претендовать на среднюю полосу Бессарабіи, но отнюдь не на сѣверную и южную части ея. На нихъ, будто бы, Румынія не имѣетъ права, такъ какъ онѣ не принадлежали ей.

Авторъ опирается для разрѣшенія практическаго вопроса не только на фактическій матеріалъ, но и на гипотезы, сами требующія своего подкрѣпленія („Анты" VI вѣка въ Бессарабіи по мнѣнію Шахматова были предшественниками сѣверныхъ славянъ).

Онъ ссылается на существованіе въ Бессарабіи въ XII вѣкѣ галицкаго княжества, „которое простиралось къ югу, къ Бессарабіи и Молдавіи, между моремъ и Дунаемъ". Авторъ утверждаетъ, что Бессарабія оставалась внѣ границъ княжества Молдавіи до XV вѣка.

Этнографически сѣверная часть страны была украинской. Югъ былъ населенъ татарами и половцами. Только къ концу

*) Томъ VI, стр. 40—53 и VII стр. 57—74. Цитирую по переводу статьи, помѣщенному въ „Le Monde Slave", 1928, Janvier.

XIV века князь Молдавіи завоевалъ городъ Хотинъ, и только въ 1412 г. молдоване сдѣлались господами Бѣлгорода (Аккермана) и Киліи и еще позднѣе Оргѣева".

„Въ общемъ Бессарабія была частью молдавскаго государства не болѣе чѣмъ 50 лѣтъ" (во время Стефана Великаго), послѣ же него Молдавія попадаетъ въ вассальную зависимость отъ Турціи.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, „историческія права Румыніи на сѣверную и южную части Бессарабіи равны нулю или, если угодно, равны ея правамъ на Херсонесъ, Подолію или Кіевскую губернію. Что же касается центральной части Бессарабіи, эти историческія права основываются на одномъ изъ эпизодовъ исторіи Бессарабіи".

Подробно останавливается авторъ на колебаніяхъ румынскаго двора между Россіей и Турціей передъ войной 1877 года и позднѣе, когда рѣшался вопросъ объ обмѣнѣ южной Бессарабіи на Добруджу.

Таково вкратцѣ содержаніе статьи г. Адамова.

Она основана на цѣломъ рядѣ ошибокъ и преувеличеній

Прежде всего ссылка на галицкое княжество не можетъ имѣть никакого рѣшительно значенія, даже если бы утвержденіе автора о предѣлахъ его распространенія было правильнымъ.

Развѣ право на установленіе *русскаго* суверенитета надъ *галицкой* землей совершенно неоспоримо? Въ дѣйствительности же предѣлы распространенія галицкаго княжества были значительно болѣе узкими, чѣмъ представляетъ себѣ ихъ авторъ. Грушевскій въ 1913 году говоритъ о прежнемъ галицкомъ княжествѣ: „нынѣшняя восточная Галиція". *) И это правильно. Большее же является результатомъ преувеличеній.

Затѣмъ, утвержденіе автора, что Бессарабія не входила въ составъ Молдавіи до XV вѣка, не вполнѣ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи сѣвера Бессарабіи, Хотина. Молдавія достигаетъ своихъ днѣстровскихъ границъ прежде всего именно у Хотина. Происходитъ это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Польскій король

*) Проф. М. Грушевскій. Иллюстрированная исторія украинскаго народа. Спб., 1913, стр. 74.

Казиміръ Великій взялъ подъ свое покровительство молдавское княжество Шепеницулъ, желая превратить его въ тампонъ противъ татаръ и венгровъ. Соотвѣтственно этой цѣли княжество это превращается въ укрѣпленный треугольникъ, состоящій изъ трехъ крѣпостей—Хотина, Цецина и Хмелова. Хотинъ былъ на стражѣ у Днѣстра, Цецинъ у Прута и Хмеловъ стерегъ дорогу отъ Колачина *). Это имѣло мѣсто въ первой половинѣ XIV вѣка.

Уже въ 1408 г. Аккерманъ принаддежалъ Молдавіи. Килія была анексирована ею нѣсколько позже, между 1408 и 1412 годомъ. Эти двѣ крѣпости и Хотинъ и были первыми молдавскими крѣпостями въ Бессарабіи. Только позднѣе были созданы новыя — Лопушна, Орхей, Сорока.

При преемникѣ Александра Добраго Иліашѣ — Хотинъ былъ уступленъ Польшѣ въ разсчетѣ на ея военную зашиту (1433), но при Стефанѣ Великомъ снова возвращенъ Молдавіи.

Килія была уступлена при Петрѣ (1448—1449) Валахіи и возвращена она была снова Молдавіи не сразу: лишь въ 1465 году.

Только Аккерманъ продолжалъ сохраняться непрерывно въ рукахъ молдавскихъ князей.

Серьезную опасность на югѣ представляли для Молдавіи турки съ момента ихъ необычайнаго военнаго усиленія.

Послѣ покоренія Крыма Султанъ Баязидъ II взялъ въ 1484 г. крѣпости Cetatea-Albă и Килію. Къ этимъ крѣпостямъ турки присоединили прилегающія полосы земли. Крѣпость съ ея округомъ называлась — райя. Онѣ находились въ непосредственномъ управленіи турокъ.

Со смертью Стефана Великаго Молдавія попадаетъ въ вассальную зависимость къ Турціи. Турки все больше и больше стремятся расширить полосу раии за счетъ молдавской земли.

Что касается Хотина, то онъ нѣсколько разъ былъ въ польскихъ рукахъ, но Молдавіи удавалось возвращать его каждый разъ обратно, пока, наконецъ, и онъ не попалъ въ непосредственную турецкую зависимость, въ положеніе раии. Въ 1712 г. находимъ въ качествѣ коменданта крѣпости vel-capitan'a Петрашку. Это былъ послѣдній молдавскій комендантъ *).

*) I. Nistor. Istoria Basarabiei. 1923, Черновицы, стр. 32.

Изъ приведенныхъ мною выше данныхъ вытекаетъ, что утвержденія автора нуждаются въ поправкахъ слѣдующаго рода: Хотинъ находился въ обладаніи Молдавіи уже въ первую половину XIV вѣка. Имъ она владѣла непрерывно приблизительно до 1712 года, слѣдовательно четыре столѣтія.

Несмотря на непосредственное подчиненіе туркамъ, и сѣверъ и югъ были, вопреки этнографическимъ представленіямъ автора, населены по преимуществу румынами, составлявшими коренное населеніе края.

Позволю себѣ въ доказательство этого сослаться на автора, котораго можно упрекнуть не въ румынскихъ, а напротивъ русскихъ симпатіяхъ—Накко. Вотъ что онъ говоритъ на основаніи своего знакомства съ архивными дѣлами Бессарабіи, относящимися ко времени послѣ присоединенія.

Въ Бессарабіи, говоритъ онъ, „кромѣ такъ называемой Запрутской Молдавіи (средніе уѣзды), находились еще два владѣнія: хотинская райя и Буджакъ, поступившіе въ казенное управленіе, послѣ завоеванія крѣпостей — Хотина, Бендеръ, Аккермана и Киліи и удаленія турокъ за Дунай. Въ Буджакѣ кочевали еще въ то время остатки татаръ извѣстной Бѣлгородской Аккерманской орды, а потому прежде чѣмъ приступить къ введенію въ этой мѣстности какихъ-либо гражданскихъ порядковъ, необходимо было очистить ее отъ этихъ хищниковъ. Кушниковъ началъ съ того, что испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на выселеніе татаръ изъ Буджака, и когда ихъ перевели со всѣмъ движимымъ имуществомъ на Молочныя воды, Таврической губерніи, тогда онъ раздѣлилъ оставшіяся послѣ нихъ степи на пять цынутовъ, а именно: Бендерскій, Аккерманскій, Гречанскій, Хотарничанскій и Томаровскій. *Цынуты эти, вмѣстѣ съ Хотинской райей, подчинены общему управленію молдавскаго дивана, съ назначеніемъ въ оные молдавскихъ исправниковъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ княжествахъ.* Населеніе хотинской райи и Буджака, за выходомъ турокъ и татаръ, состояло изъ весьма небольшого количества земледѣльцевъ, жившихъ до того небольшими ху-

*) Алексѣй Накко. Очеркъ гражданскаго управленія въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи во время русско-турецкой войны 1802—1812 г. (Записки Одесск. Имп. Общ. Ист. и Древн. т. XI, Одесса, 1879, стр. 289—291).

торами между турками и по татарскимъ auламъ. Жители райи *) были большею частью *выходцы* изъ Галиціи и Буковины, а Буджака — *молдоване и болгары, переселившіеся сюда въ прежнія войны съ турками*.. По представленію Кушникова, императоръ Александръ повелѣлъ признать права собственности на вотчины Хотинскаго уѣзда за прежними ихъ владѣльцами *по древнимъ молдавскимъ грамотамъ*. Вслѣдствіе этого почти половина вотчинъ этого уѣзда перешла во владѣніе молдавскихъ фамилій: Стурдзы, Кантакузеновъ, Россетовъ, Гики и другихъ. По окончаніи же войны, и другая половина вотчинъ Хотинскаго уѣзда перешла во владѣніе частныхъ лицъ на тѣхъ же основаніяхъ, и теперь, за исключеніемъ двухъ или трехъ казенныхъ вотчинъ и города Хотина, весь уѣздъ составляетъ частное владѣніе".

Я нарочно привелъ эту нѣсколько длинную выписку, чтобы иллюстрировать положеніе дѣла въ Бессарабіи въ моментъ завоеванія. Всюду, во всѣ уѣзды Бессарабіи, русское правительство назначило *молдавскихъ* исправниковъ. Очевидно, это соотвѣтствовало и исторической традиціи и этнографическому составу населенія. Кромѣ того, надѣляя землей въ Хотинскомъ уѣздѣ молдавскихъ помѣщиковъ согласно древнимъ молдавскимъ грамотамъ, русское правительство ясно демонстрировало этимъ, что оно желаетъ исправить несправедливость, причиненную молдованамъ турками.

И вотъ то, что было такъ понятно тогда, теперь многимъ и въ томъ числѣ автору уже непонятно. Онъ настаиваетъ на томъ, что и сѣверъ и югъ были передъ завоеваніемъ въ непосредственномъ владѣніи у турокъ, очевидно полагая, что этотъ аргументъ имѣетъ въ бессарабскомъ вопросѣ большое значеніе.

Сущность турецко-румынскихъ отношеній сводилась къ сюзеренитету, къ вассальнымъ отношеніямъ. Извѣстно изъ всей исторіи вассальныхъ отношеній въ средніе вѣка, по типу которыхъ и строилось всегда государство государствъ („Staatenstaat"), что вассалы обязаны были приходить на помощь сюзерену, но обязанность защиты лежала всегда на послѣднемъ.

Такимъ образомъ, турецкая райя была извѣстнымъ способ-

*) Отмѣчаю: идетъ рѣчь только о райѣ Хотинской, а не о всемъ сѣверѣ Бессарабіи. Курсивъ вездѣ мой.

бомъ выполненія турецкой обязанности защищать румынъ. Отсюда, и крѣпости были румынскія, служащія защитѣ страны, хотя и находились онѣ въ управленіи турокъ. *Занимая крѣпости и прилегающія къ нимъ территоріи, русскіе занимали румынскія крѣпости и румынскую землю.* Объ этомъ не слѣдуетъ забывать.

Что касается позиціи, занятой румынскимъ правительствомъ въ вопросѣ объ обмѣнѣ южной Бессарабіи на Добруджу, то колебанія были совершенно естественными.

Въ нравахъ того времени была „турецкая дипломатія", т. е. дипломатія наивной хитрости, хитрости часто замѣтной. И русскому двору надо было просто знать среду, съ которой ему приходилось имѣть дѣло, чтобы излишне не возмущаться своими партнерами по политическимъ переговорамъ, тѣмъ болѣе, что и русская дипломатія примѣняла въ то время одинаковые пріемы. Такъ Нелидовъ пріѣхалъ въ Бухарестъ секретно изъ Константинополя и оставался спрятаннымъ у барона Стуарта въ русскомъ консульствѣ для переговоровъ съ I. Братіано (въ ноябрѣ 1876 г, передъ заключеніемъ русско-румынской конвенціи отъ 4 апрѣля 1877 года).

Независимо отъ этого позиція Румыніи находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе и въ объективной обстановкѣ того времени. Утрата южной части Бессарабіи, такъ сказать, предчувствовалась румынскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Газета „Românul" предвидѣла это еще 15 ноября 1875 года. Румынія ставилась какъ бы лицомъ къ лицу предъ чѣмъ-то абсолютно неизбѣжнымъ. Не протестовать было нельзя, ибо это нарушало національные интересы („Бессарабія своя страна, Добруджа чужая"). Но протестовать противъ фатума въ концѣ концовъ безполезная вещь.

Это сознавали отвѣтственные политическіе дѣятели и больше всѣхъ конечно I. Братіано. При такомъ настроеніи онъ не могъ быть рѣшительнымъ противникомъ обмѣна южной Бессарабіи на Добруджу.

Косвенное подтвержденіе этого мы находимъ у очень осторожнаго и вдумчиваго румынскаго историка Titu Maiorescu*).

*) Titu Maiorescu. Istoria contimporana a României, Бухарестъ, 1925, стр. 110—111.

Онъ задается вопросомъ, о чемъ говорилось въ Ливадіи? И отвѣчаетъ: трудно установить. Просилъ ли I. Братіано что либо въ обмѣнъ на предоставленіе Россіи права свободнаго прохода войскъ? Занимался ли онъ вопросомъ о Бессарабіи? „Или, — говоритъ авторъ, — что было бы еще тяжелѣе — Братіано возвратился изъ Ливадіи съ впечатлѣніемъ, что Бессарабія потеряна для насъ, и редактированіе нѣсколько широкое конвенціи отъ 4 апрѣля 1877 г. и дальнѣйшее декларированіе парламента о томъ, что онъ не уступаетъ Бессарабіи и не допускаетъ никакого обмѣна территорій, — были только случайной инсценировкой для сохраненія популярности?"

Авторъ оставляетъ всѣ эти вопросы безъ отвѣта, но въ самой ихъ постановкѣ заключена возможность и, пожалуй даже, вѣроятность послѣдняго предположенія.

Но что же отсюда вытекаетъ для нынѣшней фазы бессарабскаго вопроса? Ровно ничего. Подъ давленіемъ силы обстоятельствъ Румынія должна была согласиться на обмѣнъ южной Бессарабіи на Добруджу. Съ точки зрѣнія писаннаго права „coactus voluit". Но не такъ съ точки зрѣнія правосознанія. Румынское національное чувство отвергаетъ передъ лицомъ національнаго принципа справедливость русскаго обладанія Бессарабіей въ цѣломъ, относительно всѣхъ ея частей, независимо отъ исторически случайныхъ событій для каждой изъ нихъ.

Такъ надо понимать бессарабскій вопросъ.

Съ сожалѣніемъ надо констатировать, что г. Адамовъ, какъ впрочемъ и другіе противники присоединенія Бессарабіи къ Румыніи, никакъ не желаетъ понять самую сущность вопроса. Онъ намѣренно переводитъ его въ плоскость писаннаго права, какъ будто бы кто-нибудь отрицаетъ существованіе Бухарестскаго договора 1812 года или Берлинскаго трактата 1878 года. Но да послужитъ къ посрамленію автора „молдавскіе исправники", назначенные русскимъ правительствомъ во всѣ уѣзды Бессарабіи, а также возстановленіе русскимъ императоромъ молдавскаго землевладѣнія на сѣверѣ Бессарабіи послѣ ея присоединенія къ Россіи.

ГЛАВА VI.

ИДЕЯ ПЛЕБИСЦИТА.

Противники присоединенія Бессарабіи къ Румыніи, отвергая историческія свидѣтельства, очень охотно прибѣгаютъ къ идеѣ плебисцита.

Полагаютъ, что съ его помощью можно разрѣшить бессарабскій вопросъ. Подъ плебисцитомъ подразумѣваютъ спеціальное голосованіе всего населенія Бессарабіи относительно своей судьбы.

Оставляя въ сторонѣ теоретическую несостоятельность этой идеи, выясненную мною въ другомъ мѣстѣ *), остановлюсь на вопросѣ о возможности ея примѣненія

Для совѣтской власти подъ требованіемъ плебисцита скрывается опредѣленное желаніе создать возможность агитаціи среди населенія Бессарабіи въ пользу россійскихъ коммунистическихъ порядковъ. Разумѣется, плебисцитъ могъ бы имѣть надлежащій смыслъ и значеніе только въ томъ случаѣ, если бы была предоставлена населенію полная возможность свободной агитаціи. Очевидно также, что однимъ изъ альтернативныхъ пунктовъ при голосованіи должно было бы быть „присоединеніе къ С. С. С. Р".

Вотъ тутъ то и открылась бы для совѣтской власти возможность соблазнять населеніе молочными волами и кисельными берегами. Совѣтская власть знаетъ, что дѣлаетъ. Она играетъ, какъ самый отчаянный игрокъ, съ надеждой или все получить, или все потерять. Пока же еще наступитъ время для плебисцита (и наступитъ ли вообще?!) она ничего не теряетъ. Лозун-

*) Цитированная „La Bessarabie", стр. 277—373.

гомъ плебисцита она рядится въ глазахъ европейцевъ въ демократическую тогу. Съ другой стороны, благодаря его провозглашенію, она держитъ бессарабскій вопросъ въ открытомъ состояніи.

Въ дѣйствительности, совѣтская власть крайне непослѣдовательна. Если, какъ она думаетъ, Румынія *завоевала* Бессарабію, то право употребить плебисцитъ принадлежитъ только ей, Румыніи, какъ завоевателю, но не Совѣтской Россіи. Совѣтская Россія не имѣетъ права на плебисцитъ. Со своей точки зрѣнія она могла бы имѣть только право на *отвоеваніе*. Но будучи не въ состояніи это сдѣлать изъ боязни вызвать для себя тѣ послѣдствія, съ которыми она не въ состояніи будетъ справиться, она ограничивается демократической позой.

Если совѣтская позиція совершенно понятна, то напротивъ вызываетъ полное недоумѣніе отношеніе къ плебисциту русской эмиграціи. Представимъ себѣ, что, при свободѣ агитаціи, населеніе Бессарабіи, разогрѣтое заднѣстровскими агитаторами, обманутое посулами россійскихъ благъ, въ дѣйствительности въ совѣтскомъ раю не существующими, въ болѣзненномъ припадкѣ массовой психологіи, подало бы свой голосъ за Совѣтскую Россію. Что бы тогда дѣлала русская эмиграція, толкавшая на плебисцитъ?

Она не могла бы злорадствовать. Это противно ея природѣ. Но не обвиняла ли бы тогда она себя за то, что способствовала распространенію коммунизма, обѣдненію и моральной деградаціи населенія? Не раскаялась ли бы она тогда за то, что, находясь на поводу у коммунистовъ, нарушила справедливое дѣло Румыніи, одного изъ стражей европейской цивилизаціи на Востокѣ?

Этимъ я далекъ отъ мысли сказать, что нарисованная выше картина вовлеченія бессарабскаго населенія въ коммунизмъ имѣетъ шансы на свое осуществленіе при плебистицѣ. Но это — его логическая возможность. Истинный же демократизмъ не можетъ идти такъ далеко, чтобы превращать самаго себя въ безсмысленный фетишъ и тѣмъ приходить къ самоотрицанію.

Идея плебисцита въ Бессарабіи неразрывно связана съ идеей возможности установленія коммунизма. Всякій плебисцитъ, который бы при своемъ практическомъ осуществленіи не

предусмотрѣлъ бы возможности присоединенія Бессарабіи къ С. С. С. Р., не удовлетворилъ бы совѣтской власти.

Она назвала бы подобный плебисцитъ буржуазной насмѣшкой надъ истиннымъ плебисцитомъ и нашла бы для себя новые мотивы сохранять бессарабскій вопросъ по прежнему въ открытомъ состояніи. И цѣль, ради которой предпринимался плебисцитъ, — окончательное разрѣшеніе бессарабскаго вопроса — не была бы достигнута.

Помимо этой несуразности, въ идеѣ примѣненія плебисцита въ Бессарабіи имѣется и другая, не менѣе крупная, а именно: можно ли себѣ вообще представить, чтобы Румынія, для которой единеніе съ Бессарабіей есть кровное національное дѣло, рѣшилась допустить плебисцитъ? Можетъ ли она посмотрѣть на Бессарабію какъ на любую другую территорію, на которой часто индивидъ, атомъ, рѣшаетъ вопросъ?

Если бы Бессарабія была присоединена къ Россіи не тогда, когда территоріями играли какъ въ карты и совершались преступленія по отношенію къ національному принципу (Польша), если бы румынское населеніе уже къ 1918 году составляло бы только ничтожный процентъ, а не половину всего населенія этого края, если бы Бессарабія не выразила своей воли въ формахъ, продиктованныхъ національнымъ движеніемъ ея въ 1917 году, въ пользу Румыніи, еще могли бы существовать какія-нибудь сомнѣнія насчетъ плебисцита.

Но сейчасъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго обладанія Бессарабіей, послѣ введенія румынскихъ учрежденій, школъ, готовящихъ уже цѣлое поколѣніе лицъ, прошедшихъ румынское обученіе и усваивающихъ румынскую культуру, неужели можно еще серьезно предлагать и настаивать на идеѣ плебисцита?!

Въ настоящее время эта идея есть результатъ идейной инерціи. Брошенная въ русскій общественный оборотъ въ 1918 году, когда еще остро велась идейная борьба за Бессарабію, теперь, когда прежнія чувства остыли, она — не болѣе какъ пережитокъ.

ГЛАВА VII.

ПУТИ СОВѢТСКОЙ ДИПЛОМАТІИ.

Бессарабскій вопросъ для совѣтской власти играетъ роль средства въ международныхъ отношеніяхъ. Поэтому, умѣстно освѣтить здѣсь хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ отношенія, сложившіяся между Совѣтами и Европой.

Реакція европейскихъ государствъ по поводу превращенія столь огромнаго государства, какъ Россія, въ очагъ коммунистическихъ экспериментовъ была смутной и слабой.

Вмѣсто рѣшительной борьбы съ коммунизмомъ мы имѣли нерѣшительную политику помощи его противникамъ и серію интервенцій, не соотвѣтствовавшихъ ни важности задачи, ни достоинству государствъ — участниковъ. Въ результатѣ совѣтская Россія устояла на всѣхъ фронтахъ.

Не будучи въ состояніи одолѣть совѣтскую Россію путемъ интервенцій, правительства стали стремиться втянуть ее въ лоно европейскихъ державъ, въ надеждѣ, что она мирнымъ путемъ эволюціонируетъ къ демократическому строю.

Послѣ періода „восточнаго фронта" 1918 г., послѣ періода интервенцій 1919 г., наступаетъ третій періодъ 1920—1924 г., періодъ попытокъ сближенія съ совѣтской Россіей. Въ 1919—1920 г. заключенъ рядъ мирныхъ договоровъ между нею и лимитрофными государствами. Хотя политика интервенціи въ 1920 г. еще не совсѣмъ прекращается, но въ это время уже начинаются переговоры между представителями европейскихъ государстъ и совѣтской Россіей. Сначала дѣлаются попытки вступить въ регулярный торговый обмѣнъ (1920 и 1921 г.)*).

---

*) Торговый договоръ между Англіей и совѣтской Россіей подписанъ 16 марта 1921 года.

а затѣмъ наступаетъ очередь и для политическихъ сношеній (1922—1924 г.). Первоначально Европа пробуетъ установить политическія отношенія къ совѣтскому правительству общимъ фронтомъ.

На съѣздѣ въ Каннахъ 6 января 1922 г. Верховный Совѣтъ союзниковъ согласился на предложеніе Ллойдъ-Джорджа созвать общеевропейскую конференцію съ участіемъ представителей совѣтской Россіи. Въ основу международныхъ отношеній рѣшено было принять прежніе испытанные принципы международнаго порядка, какъ-то: признаніе своихъ долговъ и обязательствъ, удовлетвореніе за секвестръ имущества или возвратъ его, невмѣшательство во внутреннія дѣла и т. д.

Предполагая сдѣлать именно эти давно извѣстныя всему цивилизованному міру истины платформой сближенія съ совѣтской Россіей, правительства обнаруживали незнаніе самой сущности царящаго въ ней коммунизма. Онъ не способенъ былъ идти на эти условія, потому что самая характерная черта его—бунтъ противъ европейской цивилизаціи, стремленіе разрушить ее всѣми силами.

Переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, не дали результатовъ. Генуя (10 апрѣля 1922 г.) и Гаага (15 іюня 1922 г.) проходятъ безслѣдно.

Разногласія между союзниками и дипломатическая изворотливость совѣтскаго правительства приводятъ къ непоколебимости совѣтскихъ позицій. Наступаетъ и формальный прорывъ фронта между союзниками. Начинается полоса *сепаратныхъ попытокъ* отдѣльныхъ государствъ Европы признать Совѣтскую Россію, добиться отъ нея уступокъ для себя, вступить съ нею въ правильныя дипломатическія сношенія. Англія признаетъ „de jure" Совѣтскую Россію въ нотѣ отъ 1 февраля 1924 года, а Франція въ актѣ о признаніи отъ 28 октября того же года.

1924-й годъ является кульминаціоннымъ пунктомъ доброжелательства европейскихъ государствъ къ Совѣтской Россіи. Со слѣдующаго года (1925) начинается новый періодъ отношенія къ ней. Это—періодъ реакціи, періодъ пересмотра прежнихъ настроеній и періодъ усиленія борьбы съ коммунизмомъ внутри государственныхъ границъ. Активность третьяго Интер-

націонала и утрата вѣры въ возможность превращенія коммунистической Россіи въ правовое государство содѣйствуютъ процессу полной дипломатической изоляціи совѣтскаго правительства.

Разочарованіе побудило правительства искать новыхъ путей въ русскомъ вопросѣ. И естественно, что снова мысль стала работать въ направленіи къ интервенціи. Еще лѣтомъ 1924 г. появился планъ франц. адм. Degouit относительно интервенціи и блокады Россіи.

Переговоры относительно способовъ практическаго разрѣшенія русской проблемы начались нѣсколько позже, въ декабрѣ 1925 г., въ Варшавѣ.

Чтобы парализовать приготовленія къ составленію общаго фронта, СССР предложила сосѣднимъ съ нею государствамъ Латвіи, Эстоніи и Финляндіи заключить договоры о ненападеніи. Но вмѣсто согласія эти государства предложили ей выдвинутую Польшей идею коллективнаго договора съ СССР, на что послѣдняя не согласилась.

Усилія къ составленію общаго фронта продолжались въ Варшавѣ и въ 1926 г.

Трудно сказать были ли эти усилія инспирированы. Вѣроятнѣе всего — да и именно Англіей. Въ это время произошла стачка горнорабочихъ въ Англіи, на которую совѣтское правительство возлагало очень большія надежды. Прямая поддержка этой стачки со стороны совѣтской Россіи съ одной стороны и возбужденіе ея агентами китайскихъ массъ противъ Англіи съ другой стороны — породили среди англичанъ чрезвычайную ненависть противъ нея. Видя, что остріе совѣтской пропаганды вездѣ направлено противъ Англіи, англійское правительство, естественно, должно было думать о противодѣйствіи.

И въ 1926 и 1927 г. Англія прилагаетъ усилія къ составленію концерта общихъ дѣйствій по отношенію къ совѣтской Россіи. Въ Женевѣ велись переговоры по этому поводу между всѣми великими державами, не исключая и Германіи. Соглашеніе не состоялось, главнымъ образомъ, въ виду возраженій со стороны Германіи.

Какъ бы то ни было въ самой Россіи, среди руководящихъ ея круговъ, создалось убѣжденіе о неизбѣжности войны.

Ворошиловъ въ февралѣ 1926 года заявлялъ, что „войны намъ не избѣжать и въ этой предстоящей войнѣ намъ нужно имѣть мощную красную армію“. Зофъ въ свою очередь подтвердилъ его мысль въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года. Онъ писалъ въ „Правдѣ“: „на лицо напряженная работа по созданію единаго фронта противъ СССР отъ Балтійскаго до Чернаго моря и тщательная подготовка новой войны противъ насъ“. Съ тѣхъ поръ утвержденія эти повторялись въ совѣтской прессѣ не разъ.

Въ соотвѣтствіи съ совѣтскими страхами, въ нѣмецкихъ газетахъ, инспирированныхъ Совѣтами, лѣтомъ и осенью 1928 г. снова повторились предположенія о собирающихся надъ Россіей тучахъ. Въ частности поѣздка французскаго генерала Le Rond въ Польшу и Румынію ставилась въ связь съ якобы аггресивными планами этихъ государствъ.

Страхи были настолько сильны, что въ маѣ 1928 года народный комиссаръ по военнымъ дѣламъ въ спеціальномъ секретномъ рапортѣ совѣтскому правительству предлагалъ немедленное объявленіе войны Румыніи. При этомъ въ качествѣ мотивовъ приводилось то, что крестьяне недовольные либералами, не пойдутъ на мобилизацію и что румынскія войска, особенно авіація, неспособны къ сопротивленію. Объ этомъ Регентство было поставлено въ извѣстность польскимъ правительствомъ

Военное выступленіе Совѣтовъ противъ Румыніи не осуществилось. Совѣтскіе дѣятели хорошо сознавали, что рѣшиться на такое выступленіе означало бы поставить на карту самое существованіе совѣтской власти. Боязнь Англіи удержала большевиковъ.

На образованіе страховъ вліяли не только внѣшнія объективныя обстоятельства, но и природа большевиковъ, ихъ своеобразная теорія современнаго историческаго момента, формулированная шестымъ конгрессомъ Коминтерна. Наблюденія надъ ходомъ экономической жизни Европы даютъ основаніе считать, что происходитъ стабилизація жизни. Цѣны имѣютъ тенденцію вернуться къ довоенному уровню, а продукція сельскаго хозяйства и промышленности — превзойти прежній предѣлъ. По мѣрѣ упорядоченія европейской жизни, по мнѣнію большевиковъ,

должна укрѣпляться имперіалистическая психологія, а съ нею и желаніе державъ разъ навсегда покончить съ коммунистической властью

Какія же задачи диктуетъ Совѣтамъ такое пониманіе момента? Изъ того, что готовится, мыслимы были-бы лишь два выхода: или превентивная война или воспрепятствованіе буржуазной стабилизаціи. Но война, какъ уже указано, заключаетъ въ себѣ слишкомъ много риска. Остается второй путь, который руководители Совѣтовъ и рѣшили использовать. Этотъ путь состоитъ въ выведеніи массъ на улицу, въ инсценировкѣ возстаній для внутренняго взрыва европейскихъ государствъ и созданія въ нихъ гражданской войны.

Совѣтскіе дипломаты не могли не сознавать, что и подрывная внутренняя работа коммунистовъ въ отдѣльныхъ государствахъ также не вполнѣ свободна отъ риска для Совѣтовъ, такъ какъ хорошо осознанный инстинктъ самосохраненія способенъ побудить правительства разъ навсегда покончить съ заразой въ ея первоисточникѣ. Нужна была еше какая то гарантія.

И вотъ какъ нельзя кстати для совѣтской власти къ концу лѣта 1928 г. вырисовалось сильное теченіе европейской дипломатіи въ пользу объявленія войны внѣ закона. Оно диктовалось все тѣмъ же ходомъ стабилизаціи. Послѣвоенная географія проявляла стремленіе къ своему закрѣпленію.

Такъ родился такъ называемый парижскій пактъ Бріана-Келлога—объ осужденіи войны „для разрѣшенія международныхъ разногласій и какъ средство національной политики".

Этотъ договоръ былъ, съ совѣтской точки зрѣнія, не вполнѣ пріемлемъ. Онъ оставлялъ открытымъ вопросъ о возможности интервенціи.

Такъ какъ ратификація парижскаго договора затянулась, совѣтское правительство предложило Польшѣ и нѣкоторымъ другимъ лимитрофнымъ государствамъ подписать особый договоръ о ненападеніи и объ отказѣ отъ войны и интервенціи, не ожидая ратификаціи парижскаго акта. Соотвѣтствующій договоръ и былъ заключенъ въ Москвѣ въ началѣ 1929 г. („договоръ Литвинова"). Онъ былъ подписанъ и представителемъ Румыніи.

Такимъ образомъ, путемъ отказа отъ праза интервенціи Румынія выводила бессарабскій вопросъ изъ сферы вопросовъ, способныхъ вызывать международный конфликтъ. Служитъ ли это достаточной гарантіей противъ войны? Конечно, нѣтъ.

На такой пессимизмъ наводятъ слѣдующіе факты и соображенія. Съ приходомъ къ власти въ Англіи въ срединѣ 1929 г. рабочаго кабинета Макдональда всякіе разговоры объ интервенціи въ дѣла совѣтской Россіи прекратились. Реальная почва для какого либо столкновенія исчезла.

Между тѣмъ, совѣтская пресса больше чѣмъ раньше пестритъ замѣтками и статьями по поводу собирающейся противъ Россіи коалиціи. Невольно получается впечатлѣніе, что страхи эти—надуманные, искуственные и что въ дѣйствительности о войнѣ, какъ инструментѣ для своихъ цѣлей, начинаетъ подумывать сама совѣтская власть.

Побуждать къ этому могутъ два мотива: съ одной стороны — провалъ идеи гражданской войны внутри отдѣльныхъ государствъ, а съ другой—свой собственный внутренній тупикъ, въ который попала совѣтская власть, благодаря своему новому соціальному эксперименту—коллективизаціи деревни.

Не разъ деспотіи въ исторіи прибѣгали къ войнѣ, какъ героическому средству разрубанія своихъ гордіевыхъ узловъ.

Прибѣгнетъ ли въ дѣйствительности къ ней совѣтская власть или нѣтъ, неизвѣстно. Но важно, что *можетъ* прибѣгнуть. Этого достаточно для того, чтобы передъ сознаніемъ всякаго, кто размышляетъ надъ вопросомъ о судьбахъ нашей культуры, всталъ серьезный и грозный вопросъ: съ кѣмъ быть духовно и чего желать? Желать ли территоріальнаго расширенія коммунистической диктатуры, а Бессарабіи всѣхъ тѣхъ бѣдъ, которыми такъ страдальчески болѣетъ населеніе Россіи, или стать на сторону тѣхъ, кто эвентуально можетъ подвергнуться нападенію со стороны совѣтской Россіи?

Для непредубѣжденнаго человѣка отвѣтъ совершенно ясенъ: всякой коммунистической экспансіи долженъ быть положенъ самый рѣшительный предѣлъ!

ГЛАВА VIII.

ИСТИННЫЙ ПАЦИФИЗМЪ.

Послѣ войны, въ результатѣ территоріальныхъ передѣловъ, возникла новая Европа. Она кореннымъ образомъ отличается отъ прежней. Прежняя Европа хорошо знала себя. Triple Alliance, двойственный союзъ Россіи и Франціи и обособленное положеніе Англіи были основными факторами политической физіономіи ея и дипломатическаго status quo. Современная Европа еще только ищетъ себя. Она полна противорѣчій и бродитъ въ потемкахъ, стремясь къ стабилизаціи. Миръ—вотъ лозунгъ дня. Но къ нему приближаются слишкомъ медленно и слишкомъ робко. Цѣлый рядъ неоконченныхъ споровъ служатъ очагами для возможныхъ военныхъ столкновеній.

Однимъ изъ такихъ очаговъ является и бессарабскій вопросъ. Какъ разрѣшить его? Одинъ изъ дѣятелей паневропейскаго движенія Coudenhove-Kalergi совѣтовалъ (въ Vossische Zeitung въ 1925 году) *) Румыніи сдѣлать самопожертвованіе и уступить Бессарабію Россіи. Этотъ совѣтъ неисполнимъ. Румынія не можетъ отказаться отъ Бессарабіи, обладаніе которой входитъ составной частью въ идеалъ ея національнаго единства. Единственно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы рѣшеніе въ пользу Румыніи. Въ тоже время оно содѣйствовало бы миру.

Бессарабскій вопросъ есть слѣдствіе неурегулированности внутреннихъ дѣлъ какъ въ Россіи, такъ и въ Румыніи. Онъ съ одной стороны — функція румынскаго національнаго объединенія, съ другой — функція русской революціи. Такимъ образомъ, другъ противъ друга стоятъ два великихъ процесса, оба начатыхъ и оба незаконченныхъ. Полная консолидація румынской націи, пріобрѣтеніе ею единой души — еще впереди. Но

*) Casimir Smogorzewski. La Pologne restaurée, Paris, 1927, p. 225.

еще болѣе незаконченнымъ является процессъ русской революціи. Какъ всякая политико-соціальная революція, она имѣетъ свой циклъ развитія. Онъ далеко незавершенъ и для многихъ представляется загадкой.

Очевидно, положеніе бессарабскаго вопроса и шансы на его окончательное разрѣшеніе будутъ различными въ зависимости отъ того, съ точки зрѣнія какой стадіи упомянутыхъ двухъ великихъ историческихъ процессовъ мы будемъ къ нему подходить.

Въ самомъ дѣлѣ, если консолидація румынской націи была бы уже совершившимся фактомъ, совершенно законченнымъ, то очевидно у противниковъ присоединенія Бессарабіи къ Румыніи изъ русской эмиграціи такое положеніе вещей значительно ослабило бы сопротивленіе и сократило бы претензіи. Съ другой стороны, когда, минуя нынѣшнюю стадію развитія русской революціи, коммунистическое правительство смѣнится національнымъ, очевидно, измѣнится и положеніе бессарабскаго вопроса. Онъ приметъ какія-то новыя очертанія и, нужно думать, на основаніи принципа уваженія къ національности, очертанія благопріятныя для Румыніи.

Отсутствіе признака окончательности въ современныхъ послѣвоенныхъ отношеніяхъ есть положеніе, таящее въ себѣ неожиданности, опасныя для мира. Поэтому всякій, кто искренно стремится къ воплощенію въ человѣчествѣ мира, кто не на словахъ только, а на дѣлѣ готовъ многимъ пожертвовать, чтобы осуществить его, тотъ будетъ стремиться помочь скорѣйшему отливанію исторической матеріи въ намѣчающіяся для нея новыя формы. Въ данномъ примѣрѣ, о которомъ идетъ рѣчь, это означаетъ, что *жаждущій мира будетъ содѣйствовать съ одной стороны—процессу консолидаціи румынской націи и съ другой стороны—скорѣйшему изживанію русской страной большевизма*.

Только на этомъ пути *сознательной помощи внутреннимъ органическимъ процессамъ народной жизни въ разныхъ государствахъ* возможно достиженіе настоящаго непризрачнаго мира всего человѣчества и, въ частности, мира между русской и румынской націями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

La Bessarabie et les relations russo-roumaines, Paris, J. Gamber éditeur, 1927.

Societatea Naţiunilor şi ştiinţa dreptului internaţional, Кишиневъ, 1927.

Unirea (1918—1928), Кишиневъ, 1928.

Istoria Relaţiunilor Ruso-Române politice. Учебникъ для студентовъ Теологическаго факультета, Кишиневъ, 1928.

Autonomia Basarabiei sub stăpânirea rusească în 1812—1828, Studiu, Кишиневъ, 1929.

Un an de luptă pentru binele poporului, изданіе газеты *„Воля Бессарабіи"*, Кишиневъ, 1929, и друг.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

Адресъ: Chişinău, Facultatea Teologică.

Цѣна 80 лей или 12 фр. франковъ